

Нелегкая судьба условных сделок

Татьяна Бойко

адвокат корпоративной практики адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»

Статья 157 ГК РФ («Сделки, совершенные под условием») предусматривает возможность совершения сделки под отлагательным либо отменительным условием, когда

наступление либо прекращение обязательств по ней ставится в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. При этом названная норма не содержит прямого указания на то, что соответствующее обстоятельство не должно зависеть от воли сторон.

В ходе обсуждения проекта изменений в гражданское законодательство предлагаемая редакция ст. 157 ГК РФ вызвала жаркие дискуссии. Как известно, на практике в большинстве случаев условные сделки признавались недействительными по причине зависимости содержащегося в них отлагательного или отменительного условия от воли одной или обеих сторон.

Суды аргументировали свою позицию тем, что по природе данных сделок условием должно выступать обстоятельство, относительно которого неизвестно, наступит ли оно, а в случае, когда условие зависит от воли стороны, это правило не соблюдается.

Предложение Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства установить запрет на совершение сделок под условием, наступление которого исключительно или преимущественно зависит от воли одной из их сторон, вызвало масштабную критику со стороны практикующих юристов и бизнеса.

Подобная реакция была связана с тем, что многие сделки M&A, а также иные

сложно структурированные сделки на практике заключаются под отлагательными условиями, наступление которых как раз исключительно или преимущественно зависит от воли одной из их сторон (например, такое условие, как проведение реорганизации общества, исполнение обязательств перед кредиторами или бюджетом). В связи со сложившейся судебной практикой участники оборота были вынуждены заключать данные сделки по английскому или иному иностранному праву, что влекло дополнительные и зачастую необоснованные издержки для бизнеса.

Поскольку участники дискуссии так и не пришли к компромиссу, было решено принять соответствующий блок изменений с сохранением ст. 157 ГК РФ в прежней

редакции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Единственная надежда, которая еще остается сегодня у практикующих юристов, – это принятие в рамках последующих пакетов поправок нормы об обусловленном исполнении обязательства – ст. 327.1 ГК РФ в редакции «базового» проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», так и не принятого Госдумой целиком во втором чтении. При этом на данный момент неизвестно, когда именно соответствующий блок будет рассмотрен.

Однако и в случае принятия указанной нормы не исключено, что суды продолжат идти по проторенной дорожке, т. е. положения об условных сделках не изменились, а следовательно, у них может не найтись оснований для изменения своего подхода. Скорее всего, далеко не все суды разберутся в разнице правовой природы условных сделок и обусловленного исполнения обязательства, а потому на практике могут получить распространение споры о квалификации той или иной сделки.

В случае принятия нормы об обусловленном исполнении обязательства участники оборота, вероятно, будут всячески «подгонять» свои отношения под нее, чтобы избежать риска квалификации сделки в качестве сделки под условием, и, возможно, даже

делать прямую ссылку на конкретную статью ГК РФ в тексте соглашения.

Возымеет ли подобный подход должный эффект и сумеет ли одна новая норма придать гибкость российскому праву, изменив отношение к нему бизнеса, покажет время. Однако уже сейчас ясно, что без принятия нормы об обусловленном исполнении обязательства на изменения в сложившейся судебной практике рассчитывать не приходится.

Относительно положений о преддоговорной ответственности, принятие которых, так же как и нормы об обусловленном исполнении обязательства, отложено в долгий ящик, следует признать, что в проекте изменений в ГК РФ содержится взвешенный подход об ответственности только за недобросовестное

ведение или прерывание переговоров о заключении договора.

Полагаем, что установление преддоговорной ответственности за недобросовестные действия никак не ограничивает свободу договора, а нацелено на борьбу со злоупотреблениями на стадии его заключения.

Аналогичная норма содержится в законодательстве многих развитых правовых систем, а также в Принципах международных коммерческих договоров (Принципах УНИДРУА) 1994 г.

В связи с этим риски участников оборота, связанные с возможным ограничением их договорной свободы, будут зависеть не от факта принятия указанной нормы, а, скорее, от того, какое толкование она получит в судебной практике.

Поскольку данная категория споров будет новой, то на практике неизбежно возникнут вопросы, с которыми ранее суды не сталкивались, что со временем приведет к выработке устойчивых подходов к их решению.

Институт преддоговорной ответственности напрямую не связан с вопросом об обязательной силе соглашений о намерениях. Для его применения неважно, было ли достигнуто соглашение о намерениях в той или иной форме, – важен сам факт недобросовестного ведения или прерывания переговоров. Проект изменений в ГК РФ не дает каких-либо оснований для вывода, что введение института преддоговорной ответственности может как-то повлиять на статус соглашений.